

Живет в Москве (Россия).

Аксиния

Каждый вечер в подвале, где лампа синяя,
схоронившись от близких, сидит Аксиния,
наблюдает за жертвенным и покорным.
Самовар под боком
и ведро попкорна.

Почаёвничать любит Аксинья.
В радости
пробегают минуты. Она покладисто
бросит в угол попкорна горсть,
дескать, ешьте.
Вспоминает улицы в Будапеште.

Там подвалы замков ей очень нравились.
Там во тьме мерещились всюду авели.
Там кружились тени летучей мышью -
Подлетят, коснутся и раз — не дышишь.

Довела заграница её до Каценки,
но и это лечат в секретном ящике.
Отпустили,
но стала Аксинья злая.
Лишь в подвале...

Но кто там? никто не знает.

Отчаяние

Имя твоё — не выпитая с лица.
Тело твоё — бегущая в лес лисица.
Я прихожу с настойчивостью истца,
а покидаю наполненную истицу.

В каждом твоём движении виден Бог.
Камень в моих руках — отголосок чести.
Всё, что приходит с миром — Да чтоб он... сдох!..
Только война! сУдьбы ведёт и крестит.

Я оставляю иллюзии простыням.
Я покидаю одну из своих игрушек...
Кто ты? сегодня любящая меня,
чьей теплотой покой навсегда разрушен?

Добро

Плачешь, малышка? Горько тебе? Да брось.
Воздух Отечества может казаться едким.
Нам говорят, что в мире царит добро...
Его называли рухлядью наши предки.

Нам говорят, и в этом потоке вождь
повелевает, ликом светясь с экранов,
и, прекратившись, воле послушный дождь
эхом Москвы доносится до окраин.

Пусть говорят. Порожня болтовня.
Лучше давай поженимся на свободе,
право на жизнь с бесправием подровняв.
Кто там ещё буянит? Да наши, вроде.

Пушки в чехлах, в умах не война, но лёд.
Брат исступлённым волком глядит на брата.
Что-то идёт, я чувствую, что идёт
каждое слово пулей из автомата.

Каждое слово рассыплется серебром,
мелкие брызги подхватит трудяга-ветер -
это идёт уверенное добро.
Это добро, малышка, за всё в ответе.

О себе

Пишу стихи, потому что мне нравится это делать. Участвую в конкурсах, потому что мне нравится побеждать. Умею проигрывать, потому что поражения укрепляют волю к победе. Всё, что я делаю, делаю осознанно.

